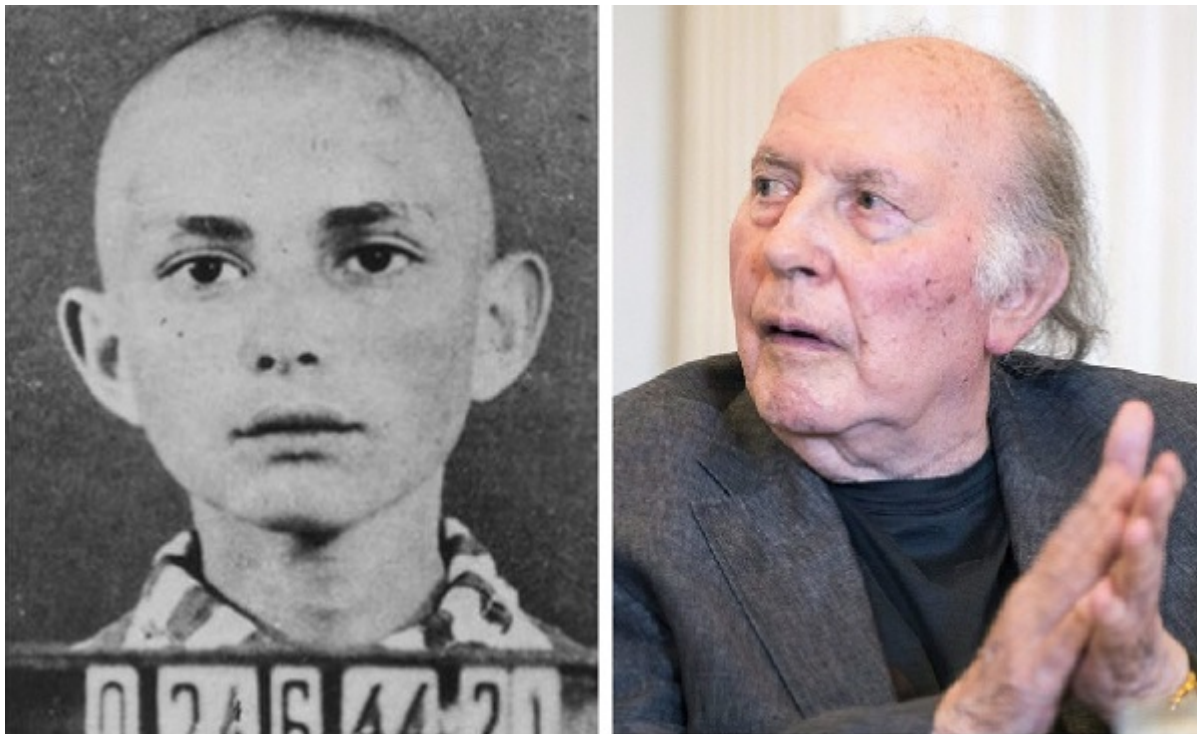

Имре Кертес: «Освенцим говорит из меня...»

К 90-летию со дня рождения

Имре Кертес после освобождения из лагеря и в последние годы жизни

В 2002 году Венгрия ликовала: впервые Нобелевскую премию по литературе получил венгерский писатель. Но многие мадьяры недоумевали: «Какой же он свой? Кертес — чистокровный еврей, а выдвинули его на премию немцы».

Имре Кертес родился 9 ноября 1929 года в Будапеште. Родным языком единственного ребенка в ассимилированной еврейской семье был венгерский.

Ему исполнилось десять, когда родители разошлись, а сына отдали в интернат. В марте 1944-го вермахт оккупировал Венгрию, и вскоре 15-летнего Имре депортировали в Освенцим. По совету бывалого узника при селекции он прибавил себе два года, чтобы попасть в группу пригодных для работы мужчин, а не в число детей, подлежащих уничтожению.

Писателю было уже за 70, когда из мемориального комплекса «Бухенвальд»

он получил копию списка заключенных от 18 февраля 1945 года, где в графе «Выбыли» нашел запись о смерти узника № 64921 Имре Кертеса. Его спасла тяжелая болезнь и лазарет, где 13 апреля 1945-го мальчик дождался прихода американских войск.

Вернувшись в Будапешт, в 1948-м он поступил на работу в столичную газету Világosság. В 1951-м она стала органом компартии, журналиста уволили как «идеологически чуждого» и отправили служить в армии. По возвращении он подрабатывал на радио и в Институте кинематографии. Потом, чтобы не попасть на «перевоспитание», Имре пришлось устроиться рабочим на завод, а по ночам он писал в стол или занимался переводами.

Литературное творчество стало для него синонимом жизни, а лейтмотивом — память об ужасах нацизма. Однако первое произведение о Холокосте Кертес решился написать лишь в 1960-м. Работа заняла десять лет, еще пять ушло на то, чтобы добиться публикации. Роман «Без судьбы» повествует о еврейском мальчике Дюри Кевеше, попавшем в концлагерь, где он учится «жить жизнью, в которой невозможно выжить». Подростка поражает, как логично все продумано немцами. И герой приходит к абсурдному выводу в духе Кафки: «Еще в гимназии нас должны были бы учить Освенциму».

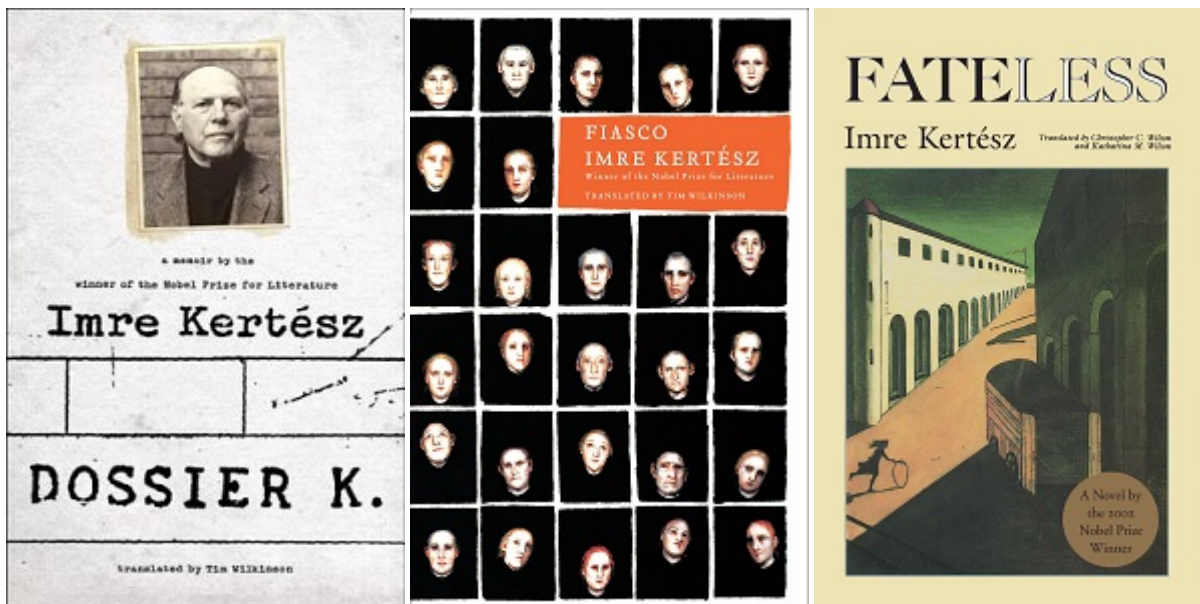
Писатель в детстве. Фото: Petofi Museum of Literature

В 1977-м вышли повести Кертеса «Следопыт» и «Детективная история». В 1988-м он издает книгу «Фиаско», еще через два года появляется «Кадиш по нерожденному ребенку» — последняя книга в трилогии об одиссее Имре Кертеса. «Когда я начинаю думать о новом романе, — признавался он, — это всегда начинается с мысли об Освенциме... Начать жить заново нельзя. Я продолжаю жить той же самой своей обезжизненной жизнью». Протагонист книги — тот же персонаж, ставший мужем красавицы-еврейки, рожденной после войны и мечтающей о ребенке. В ответ женщина многократно слышит резкое «нет», мотивируемое страхом мужа иметь детей в мире, где возможен Холокост: «Никогда с другим ребенком не должно произойти то, что произошло со мной... А если он потом скажет: «Не хочу быть евреем?»»

Кертес слыл диссидентом, но эмигрировать из Венгрии после 1956 года не решился. «Мы понимали, что правит нами **банда**, руководствующаяся в своих

действиях законами уголовного мира, — писал он. — И вторжение советских войск в Венгрию — самая что ни на есть настоящая **бандитская акция**, оставившая глубокий шрам на нашей совести».

Романы писателя изданы на многих языках, он получил четыре венгерские литературные премии и орден Св. Стефана, медаль им. Гёте, премию Германской академии языка и поэзии и, наконец, стал лауреатом Нобелевской премии «за то, что в своем творчестве ищет ответ на вопрос о том, как индивидум может продолжать жить и мыслить в эпоху, когда общество все активнее подчиняет себе личность...».

Книги Имре Кертеса

О своем детстве Кертес, скончавшийся в 2016-м, вспоминал: «Мы были городские, будапештские евреи, то есть никакие евреи (но, конечно, и не христиане), которые, правда, пост в Судный день соблюдают строго, до полудня, во всяком случае, обязательно». А вот дальние родственники из венгерского села, сожженные позже в Освенциме, были «настоящими» евреями: «утром — молитва, вечером — молитва, перед едой — молитва, перед вином — молитва, а вообще, люди они были добрые и славные». Только в концлагере Имре понял, кто он на самом деле: «Для меня становилось все более важным, что я тоже еврей, а особенно когда выяснилось, что обстоятельство это наказуемо смертью».

Кертес не придерживался традиций, но принадлежность к еврейству считал определяющим фактором в своей судьбе. Он неоднократно посещал Израиль,

поддерживал его и активно боролся против антисемитизма.

Писатель вышел из Союза венгерских писателей в знак протеста против терпимости его руководства к юдофобии: «Никогда не отказываясь от своего происхождения — этой случайности, определенной в небесах, — я не стану терпеть ущемления из-за моих метрических данных... Я не прячусь ни в какую расовую, национальную или групповую идентичность и не прошу полномочий, чтобы стать ее рупором и ее именем судить, отвергать, предавать анафеме».

И все же для него были абсолютно неприемлемы как агностицизм Витгенштейна («Освенциму нет объяснения»), так и скептицизм Адорно («Можно ли после Освенцима жить дальше?»). Личный опыт пребывания в нацистской преисподней он считал достаточным для того, чтобы стать свидетелем в суде над преступлениями перед человечеством: «Я считаю особой удачей, даже даром небесным... то, что я как заклеянный еврей смог побывать в Освенциме, что благодаря своему еврейству я все же пережил что-то такое, посмотрел в глаза чему-то такому, знаю раз и навсегда что-то такое, от чего не отрекись никогда и ни за какую цену». Кертес почувствовал в себе призвание помочь миру извлечь уроки из зловещей истории Шоа. Именно в этом он увидел свою миссию: «Я — медиум, посредством которого дух Освенцима обращается к людям. Освенцим говорит из меня... Освенцим и все, что имеет к нему отношение, — величайшая травма европейского человека. Может быть, понадобятся десятилетия, даже столетия, пока мы это осознаем».

Давид Шимановский, «Еврейская панорама»